

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

Меня фигура

Роман

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2025

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
Е72

Серия основана в 2024 году

Ермаков, Д. А.

Е72 Тень филина : роман / Дмитрий Ермаков. — Минск : Четыре четверти, 2025. — 168 с. — (Серия «Современная проза»).

ISBN 978-985-581-723-0.

Роман Дмитрия Ермакова «Тень филина» погружает нас в особый мир нескольких поколений жителей села Воздвиженье и деревни Ивановки. Давайте отправимся в лодке к тому берегу реки, на котором Николай Краснобережский воздвигает храм, подойдём к Марьину камню на холме, где обитает филин — символ вечности и, по легенде, встречаются прошлое и настоящее, переплывём с Иваном Потапенко реку в ледоход на плоту, попереживаем за Елизавету Зуеву, потерявшую любимого, расстрелянного в Петрограде, а с Семёном Игнатьевым встретимся лицом к лицу с врагом...

Мы проживём вместе с похожими и не похожими на нас героями такие удивительные их судьбы, в которых переплелись и преданная любовь, и горечь разлук, и радость встреч.

**УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44**

ISBN 978-985-581-723-0

© Ермаков Д. А., 2025
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2025

Когда началась эта река? Бог знает... Из болота лесного, гиблого — ручьём сочится. Вот уже и речушка. Вот и река — в берегах дремучих, где высоких, а где пологих. Небольшая, да и не маленькая. Название оканчивается на «га», как и у сотен ближних рек и ручьёв.

Несёт река свою воду, отражает берега и небо, как положено, вливается в другую реку, а та — ещё в другую, а та уже — в студёное океан-море...

Когда осели на её берегах люди? Река не скажет, а люди не помнят. Люди живут. Люди пашут и строят. Люди ловят рыбу и бьют зверя. Люди любят и ненавидят. Люди оплакивают своих мертвецов и свои умершие деревни. И снова строят, и пашут, и любят, и умирают... Всему есть место на берегах реки. Вода её — время. Небо, отражённое водой, — вечность...

Глава первая

1

Сначала, с грохотом сшибаясь на излуках, уплыли громоздкие льдины, потом ещё долго проплывали серые ноздреватые льдины-оскрёбыши...

Тяжёлое серое небо придавило землю и воду.

И по большой, плоской, придавленной небом воде увозили бабушку...

Снега в ту зиму выпало много, он таял, река разбухала, заливала берега. Теперь уж до следующего льда — из Ивановки, с Красного Берега, в большой мир — лишь в объезд, крик десять вёрст до моста, либо на лодках и плотах.

А говорят, что и мост снесло...

Васятка стоял на берегу, смотрел, как удаляется плот, посреди которого — гроб. Плот качался, мужики с трудом выгребали поперёк течения... Казалось — гроб вот-вот соскользнёт в воду и бабушка утонет. За мужиков он не боялся — они живые.

От берега отчалили ещё три лодки, в одной из которых и мама. Все едут прощаться с бабушкой. Там, на том берегу, у церкви, её зароят в землю. И в подтверждение этой неизбежности с того берега, от колокольни, плывёт тягучий печальный звук.

Голые вички затопленных ив торчат из воды, как вешки. Лодки плывут между ними, направляемые гребцами, отяжелелые молчаливыми людьми в тёмной одежде.

— Пойдём-ко, Васятка, домой. Не ровен час — продует, заболеешь, — по-взрослому говорит сестра Полина, ради него оставленная дома.

По грязной, размокшей, истолчённой десятками ног дороге возвращались они к родной избе...

Ивановка — три десятка домов. Пять из них вдоль реки, остальные двумя рядами уходят вглубь берега. Серебристые, будто инеем подёрнутые стены бань и сараев; тёмные, высокие, в одной связи с обширными дворами избы с полукруглыми поверху окнами, со скупой резьбой наличников и застрех; драночные чёрные крыши... Всё сейчас хмурое и тяжёлое, как небо...

Снег ещё кое-где остался в тени кустов, под глухими стенами амбаров и бань, но всё в природе уже готово к новому кругу, ждёт сокровенного мига... А бабушка их, Аграфена Ивановна Игнатьева, ушла в другой мир, в ту неведомую жизнь, в которую и верила, и будто бы уже прозревала незрячими в этом мире глазами...

...Бабушка уже давно, сколько он помнил, ничего не видела. Она сидела в своём уголке за печкой, там и спала на лавке, рассказывала сказки да «про прошлую жизнь» сперва внучке Полине, а когда та подросла и всё чаще стала уходить из дома на взрослую уже работу либо вечерами, с прялкой, к кому из подружек, стала бабушка внуку Васе те же побасёнки бухтеть... Ещё песни пела — очень хорошо, и на праздниках, бывало, просили её особо и слушали все сидевшие за длинным столом...

В тот день никого в избе не случилось — отец у них на войне, Полина по своим девичьим делам где-то, мать со скотиной обряжалась. Бабушка сидела тихо и как-то особенно, что-то творилось в ней... Позвала: «Васятка, иди-ко сюда, милой...» Он подошёл, думая, что бабушка расскажет сказку, но она молчала, только гладила его по голове твёрдой сухой ладонью. «Бабушка, а спой песню». — «Не до песен мне сегодня, милой». — «А хочешь, я тебе стопочку налью?» — спросил Васятка. Он знал, где стоит у матери бражка, а стопка в доме одна — серебряная, с надписью по кругу: «Выпить пора — ура!» Отцовская, вернее, дедовская ещё, подаренная ему воздвиженским барином в старые годы за что-то... «А и то! Налей-ко мне, Васятка... Больше-то не пивать». Он уже знал действие браги. На праздниках, когда просили бабушку спеть, всегда перед тем наливали.

И бабушка выпила.

— Про Мальвину, бабушка! — попросил Васятка.

— Балладу-то... ну, давай балладу...

Песня та странная, не крестьянская, и называли её почему-то «баллада». А бабушка её ещё по молодости под окном барской дочки пела — любила та... А научила той песне повариха, из Петербурга привезённая... Всё это тоже рассказывала она внучке и внуку...

Бабушка упёрлась обеими руками в край лавки, будто вглядываясь во что-то невидящими глазами, негромким ровным голосом запела, чуть покачиваясь...

Бедный рыцарь всё стремился
Ко Мальвине молодой,
А Мальвину обряжали,
Жертву бедную, к венцу.
— Вы, подружки, подождите,
Дайте сердцу погрустить,
Вы, любимые, скажите,
Как мне рыцаря забыть?
Что же делать?... Дам я руку,
С кем родитель повелел...
В церкви всё было готово,
Их священник ждал давно...

Голос бабушки креп, набирал силу, и расправлялась её давно, казалось, навечно согнутая спина, и она будто не здесь уже была, а там — в песне...

В замке что за освещенье?
Лыцарь к замку прискакал.
На нём шлем надет пернатый,
Меч на ленте голубой.
Поздно, поздно, гость незванный,
Поздно, лыцарь молодой.
— За измену — нет, не поздно!
Лыцарь саблю обнажил...
И блестящая — взвилась!
С плеч скатилась голова...
Вся толпа заговорила,
Что Мальвина умерла.

— Мать, да ты что? — Васяткина мать вернулась. — Что это бабушка-то у нас?..

— Верка, посылай за попом, пора мне... — тихо ответила бабушка, тяжело легла и больше уже не встала...

...Дома Полина дала Васятке кусок пирога с картошкой, налила в чашку кипятка. Села у окна за пядьцы. А Васятка уплёл пирог, влез на тёплую печку и там лепил из прихваченного с улицы кома глины фигурки — человека, собаку, кошку...

После полудня вернулись с того берега (уплывали-то совсем рано утром). Полина выставила кутью, приготовила посуду. Среди приехавших был и жандармский, кажется, офицер. Молоденький и какой-то, хоть и при форме, не воинственный — может, из-за очков, которые всё время сползали с переносицы, или из-за смешно подкрученных, не идущих ему усов...

Впрочем, жандармский ротмистр Иван Алексеевич Сажин приехал, конечно, не ради поминок древней, незнакомой ему старухи. Но подвернувшейся оказией в Ивановку воспользовался. Он приезжал в село Воздвиженье в гости к подполковнику Зуеву и для разговора и пригляда за местным священником отцом Николаем, организовавшим в селе «крестьянскую чайную» и яростно борющимся

с пьянством среди своих прихожан. А в Ивановке хотел проведать ротмистр Сажин ссыльного поселенца Потапенко.

И тут, в Ивановке, выяснилось, что ссыльного никто не видел уже два дня...

В дом Игнатьевых заходили соседи — выпивали рюмку, заедали кутьёй. «Земля пухом и вечная память», — говорили так либо что-то подобное и уходили — не принято на поминках рассиживать... Мужиков мало — тех, кто в силе да возрасте, война призвала, уже третий год как. Остались недоростки, переростки да негодные к службе, как отцов брат дядя Михаил, с покалеченной, перебитой ещё по молодости и неровно сросшейся усохшей левой рукой.

— Васька, а ты чего там забился-то? — захотел, видно, приободриться дядя племянника, отдёрнув занавеску, глянул на печь. — Ну ты чего, спишь?..

— Нет, божатко...

— Верка, глянь парня-то, не заболел ли? — Что-то насторожило Михаила Игнатьева в Васяткином голосе.

Ротмистр Сажин тоже выпил рюмку за помин души новопреставленной и, разместившись в отведённой ему горенке, вызвал через хозяйкину дочь старика Кочерыгу.

Тот одиноко жил в кособокой избёнке на отшибе — рыбак и охотник, к которому относились все, с одной стороны, шутливо-презрительно, чему подтверждением и неблагозвучное прозвище за то, что он не работал на земле; с другой стороны — уважительно, потому что в своём деле — охоте и рыбалке, в понимании реки и леса — он был главный знаток во всей краснобережной округе.

— Здравствуй-здравствуй, Егор Емельянович, — повеличал его Сажин, привычно подкручивая концы усов и поправляя очки в тонкой оправе. — Скажи-ка мне, куда и каким образом ушёл ссыльный Потапенко?

— Да, ваше благородие, — старик почесал бороду большой чёрной ладонью, вроде как задумался и неторопливо продолжил: — Сам же знаешь, только по воде. А потому как лодки ничьи не пропали...

— На плоту... Рисковый человек.

— Отчаянная голова, — подтвердил охотник.

— А вот, я слышал, он с тобой любил поговорить, даже и на охоту хаживал?

— Говорить особо не говорили: он молчун, да и я болтовню не люблю. На охоту пару раз брал. Да разве ж то охота — баловство...

— Так, может, скажешь, и докуда поплыл?

— Опять же, ваше благородие, — сам знаешь. На чугунку ему надо — стало быть...

— Я-то знаю, а ты почему хотя бы старосте не донёс?

— Я за ссыльным не надсмотрщик. А что он пропал — только сегодня от вашего благородия узнал, — гордо вздёрнув пегую бородёнку, ответил Кочерыга.

— Ну ладно-ладно... Слушай-ка, белки есть у тебя, ну шкурки? Только чтоб хорошей выделки. Мне на шапку, жене.

— Есть, — на этот раз с явной заинтересованностью ответил старик.

— Ну мне бы поглядеть. Принесёшь?

— Отчего ж не принести. Принесу. А выделка у меня, сами знаете, наипервейшая...

— Ну, давай, давай. Я хорошо заплачу.

И ротмистр в ожидании охотника со шкурками выпил ещё чаю и распорядился готовить постель. Торопиться поимкой ссыльного не имело смысла, он наверняка уже подъезжал к Петрограду...

Утром Сажин опять выпил в избе стакан чаю. Кликнул Васятку:

— Покажи-ка мне, оголец, где ссыльный-то жил...

Мать, тронув лоб Васятки тыльной стороной ладони и ничего не сказав, ушла оправлять скотину. Полина ради гостя была ещё дома — грела самовар...

Мальчишка шмыгнул носом и, видимо, переборов опаску, взглянул прямо на офицера, спросил:

— А у тебя там наган есть? — кивнул на пристёгнутую к портупее кобуру.

Полина, услышав от печи разговор, опасно окликнула:

— Васятка...

Сажин, усмехнувшись, поправил очки, молча достал из кобуры револьвер:

— А ты как думал? — и убрал оружие. — Не бойся, барышня, — подмигнул он Полине.

— Я и не боюсь! — вспыхнув щеками, откликнулась девушка. — Только нельзя ему, с вечера чужаясь, заболеть.

— Ничего я, Поля, и не заболела, — отвечал Васятка, уже натягивая сапожонки, запахивая вытертый короткий тулупчик и напяливая шапку. — Провожу дяденьку, да и всё, ничего я не боюсь...

И Васятка повёл офицера к старой куликовской бане, где и обитал за небольшую плату ссыльный Потапенко.

Впрочем, было в бане довольно чисто. В предбаннике пусто, лишь обтрёпанный голик в углу, дальше, в моечной, переделанной в жилую комнату, — банная печка с котлом, обложенным камнями; стол перед окошечком с мутным стеклом, широкая лавка с набитым сеном матрасом, на столе пустая деревянная солонка и какая-то мятая книжка, вырванная из переплёта... И ещё чувствовался запах табака — ссыльный много курил.

— Слушай-ка, как тебя... Васятка? — окликнул мальчишку Сажин, убирая книжку, забытую ссыльным, в полевую офицерскую сумку.

— Угу, — опять шмыгнув носом, подтвердил мальчишка, опасливо заглядывавший через порог в бывшую баню.

— Васятка, а где-то тут у вас есть какой-то Марьин камень?

— Угу.

— Можешь показать?

— А стрелнуть дашь? — на этот раз не задумываясь, спросил Васятка.

— Да, — просто ответил ротмистр.

Сажин зачем-то ещё заглянул под лавку, выпрямился, оправил португею, привычно надвинул указательным пальцем правой руки очки на переносицу и вышагнул в предбанник.

По раскисшей дороге вышли за деревню. Слева были поля, и сразу бросались в глаза полосы озимых в зеленоватой дымке, по ним деловито расхаживали грачи, как заведённые, опускали головы к пашне и сразу поднимали, и снова опускали... Густо пахло навозом... Справа от дороги — пологий спуск к реке, с клочками жухлой прошлогодней травы и пробивавшимися кое-где зелёными волосками травы нынешней. Дорога потянула вверх, началось мелколесье, кустарник. Тропка свернула с дороги влево, круто в гору.

Васятка бежал впереди, бойко шлёпая растоптанной обуткой по лужам. Сажин тоже особо уже не выбирал дорогу — бесполезно, только старался не смотреть на свои хромовые сапоги.

Тропу обступили высокие деревья — берёзы, ели. Наконец выбрались на макушку угора — голую полянку с огромным камнем-валуном посредине.

С трёх сторон поляну охватывал негустой лес, а четвёртая была распахнута на реку и заречное село Воздвиженье, раскинувшееся вдоль реки и вглубь берега. Воздвиженский храм с колокольной белел стенами, тянулся крестами к небу, прямо напротив угора.

— Вот он и есть, Марьин камень, — сказал Васятка, шмыгнув опять носом и с интересом уставился на Сажина, думая, наверное: «И чего это офицеру тут надо?»

Ротмистр оглядел камень — древний, кое-где покрытый бело-зелёным лишайём, с чётким чашеподобным углублением в верхней части. Камень явно был когда-то специально поднят на эту гору от реки, берега которой изобиловали подобными валунами, правда, меньшего размера. Сажин и размер прикинул, достав из сумки моток бечёвки, — диаметр и высоту узелками отметил. Васятка увлечённо помогал ему...

— Дяденька, — спросил, — а ты зачем камень меряешь?

— Это, брат, похоже, не простой камень. Не всегда ведь и мы, русские, христианами были, молились вот на таких горках у таких камней своим богам... Твои предки... Напишу в книжке про ваш камень.

Сажин действительно уже предвкушал, как возьмётся за статью об этом камне для губернского археологического сборника, готовящегося к изданию в этом году, и для губернской газеты.

Иван Алексеевич Сажин был активным членом кружка любителей археологии и краеведения.

Васятка мало что понял из его объяснения, но не забыл про пистолет.

— Ну, давай, пробуй. — Сажин неторопливо протёр стёкла очков платком, достал оружие, взвёл курок, встал позади мальчишки, револьвер вложил в его руки, но и сам придерживал, помог навести на разлапистую сосну, кора которой была похожа на чешуйчатый, местами

Ермаков Дмитрий Анатольевич родился в Вологде. Член Союза писателей России, автор 20 книг прозы и многочисленных публикаций в периодических изданиях: «Литературная газета», «Наш современник», «Роман-газета», «Москва», «Север», «Подъём», «Волга — XXI век», «Двина», «Сибирские огни», «Уральский следопыт», «Бийский вестник», «Вологодский ЛАД» и многих других. Лауреат международной литературной премии «Югра» (2013), обладатель Золотого диплома международного форума славянской культуры «Золотой витязь» (2020), финалист премии «Чистая книга» им. Фёдора Абрамова (2020), лауреат премии им. А. Куприна «Гранатовый браслет» (2021) и ряда других конкурсов и премий. Награждён медалью Союза писателей России «Василий Шукшин» и медалью Саратовского отделения СПР «Григорий Коновалов».

Ряд произведений переведён на финский, эстонский, арабский и китайский языки. Рассказы Д. Ермакова включены в сборник МГУ для изучения русского языка иностранными студентами.

Оглавление

Глава первая	3
Глава вторая	25
Глава третья	39
Глава четвёртая	60
Глава пятая	87
Тень филина	100
Глава шестая	101
Глава седьмая	115
Глава восьмая	123
Глава девятая	133
Глава десятая	149
Приближение (<i>вместо окончания</i>)	163
<i>Об авторе</i>	166